

ВВЕДЕНИЕ

Каждый из нас — переплетение самых разных вещей. На всех нас сознательно и бессознательно влияет культура, социальные нормы, гендер, семейная история, эпоха, в которую мы живем и воспитываемся, и т.д. Я, например, сколько себя помню, была постоянно озабочена вопросом о матерях и детях, а точнее, отсутствием матерей.

Не могу представить более сложной роли, чем роль матери. Разве что роль ребенка. Эта книга написана с точки зрения «ребенка», сколько бы лет ему или ей ни было. Если бы я писала книгу о матерях, я бы наверняка писала о том, как трудно быть матерью вообще и быть матерью другому человеку в частности. В социально сконструированной позиции матерей и женщин считают ответственными за благополучие ребенка и тем самым ответственными и виновными за все, что может пойти не так. Нелегко отличить социологический конструкт от психологического и биологического, когда заходит речь о «матерях» и «материнстве», и даже на психоаналитическом жаргоне мы не говорим о «достаточно хорошем родителе», а о «достаточно хорошей матери».

Матерей боготворят и осуждают практически в равной мере. Часто их превозносят за их самоотверженность и способность интуитивно понимать своих детей и ожесточенно критикуют и считают виновными, если они не смогли удовлетворить потребности ребенка. Ожидается, что они будут сдерживать себя и давать себе волю в зависимости от того, в чем нуждается ребенок, оставляя в стороне свои собственные потребности, желания, боль и страхи. Матери должны быть субъектом и объектом в одно и то же время, обслуживая нужды своих детей и своих супругов, невзирая на собственные трудности. Хотя современные социальные конструкты позволяют дать более широкое определение того, что считать «семьей» (по крайней мере в западных секулярных обществах), под действием разных факторов, таких как занятость женщины

на рынке труда, на женщинах по-прежнему лежит обязанность по уходу за маленькими детьми, дома и вне его (они — матери и воспитательницы в одном лице).

Мать — не просто роль. Это, как я его понимаю, — самый фундаментальный и важный психический конструкт, зачастую не поддающийся определению. Конструкт матери восходит к нашему самому раннему опыту — чувственному, физическому, эмоциональному. Для многих это цвета, запахи и текстуры всего, что было (и есть) хорошего. Для других — вакуум, созданный тем, чего не было. Мать — самый базовый язык, на котором мы говорим, хотя некоторые чувствуют, что выучили его с человеком, с которым у них нет биологической связи. Одни учатся языку матери в терапии (или в анализе), другие извлекают его из искусства, литературы или религии. Часто мать — это самый конкретный, физический опыт, какой у нас бывал, но он точно так же абстрактен, он — идея, этос, миф.

У каждого человека есть мать, и скорее всего у большинства из нас не «одна». Всегда есть мать, которая присутствовала, и мать, которая отсутствовала. Счастливчики имели дело с достаточно хорошей материнской заботой, достаточной для того, чтобы им было на что опереться в жизни. Увы, некоторые дети столкнулись с отсутствием матери, которое причинило им боль.

Материнское отсутствие может иметь самые разные причины, которые влияют на ее способность присутствовать. Кроме того, это отсутствие может быть «субъективным переживанием» ребенка и его бессознательной фантазией в отношении матери. Другие социальные факторы могут иметь социальный контекст (война, голод, болезнь, серьезные потери и т.д.).

В центре этой книги субъективный опыт отсутствия матери и его многочисленных проявлений в жизни взрослого человека. Если мать — ландшафт, в котором живет человек, то в его психике заложено как и ее присутствие в самых разных его проявлениях, так и ее отсутствие. Присутствие и отсутствие матери находит выражение в соматике и соматизации человека, в его языковых конструктах («как», а не только «что», языка), в карьере, которую он

выбирает, в способности к близким отношениям, к тому, чтобы самому стать родителем, а также в способности или неспособности оплакивать утраченное и принимать реальность в ее ограниченности и болезненности. Качество материнского присутствия и степень ее отсутствия влияет на способность ребенка чувствовать себя в безопасности и защищаться от физического, сексуального и эмоционального абьюза, исходящего от других людей. Во многих отношениях им определяется, насколько мы будем доверять людям и верить в самих себя.

Эта книга сфокусируется на опыте отсутствия матери, и написана она с точки зрения ребенка-как-взрослого. Она ни в коем случае не нацелена на то, чтобы обвинять матерей в страданиях их детей. Родители стараются, как могут. Когда ребенок вырастает, у него или у нее есть возможность пойти в психоаналитическую терапию в надежде найти свой способ стать взрослым человеком, живущим более полной жизнью. Мы как аналитики знаем, что то, что заложено в психике пациента, найдет способ выразить себя в отношениях с терапевтом, которые я воспринимаю как одни из самых близких и важных и для пациента, и для аналитика.

Из большого числа людей, которые рассказывали мне о своих страданиях, я выбрала лишь нескольких, чтобы о них написать. Все они представляют проблемы, близкие моему сердцу.

Первые две главы — обсуждение различных следствий воспитания в уникальной коллективной системы воспитания детей в кибуце. Работая как аналитик со многими пациентами, выросшими в кибуцах, я заинтересовалась долгосрочными последствиями такого детства. В этих двух главах я обсуждаю последствия такого воспитания для объектных отношений («Своя собственная мать») и для выбора профессии психотерапевта («Возлюби свою работу: не иметь матери и стать матерью всем»). Учитывая, что детей в кибуце не растили их собственные родители, очень интересно взглянуть на то, как это отразилось на их жизни, в «любви» и в «работе».

В третьей главе «То, чего не было: размышления о современных эдипальных конфликтах», рассматривая сравнительно новый фе-

номен матерей-одинок и детей без отцов, рожденных благодаря донорству спермы, я обсуждаю необходимость пересмотреть концепцию эдипова комплекса. Должен ли «третий» быть мужчиной? Или это психо-эмоциональная и ментальная конфигурация внутри матери? Какую роль играет психоанализ в лечении родителей-одинок детей, не имеющих отца/матери? Должен ли вообще психоанализ занимать какую-либо позицию по этому непростому и щекотливому вопросу?

Отвлекаясь от детского (у взрослого пациента) переживания родительского отсутствия, следующая глава обращается к другим видам переживания отсутствия и их возможным последствиям для нашего эмоционального и психического здоровья.

Четвертая глава — «Выбор между иллюзорной жизнью и принятием смерти объекта любви» — это обсуждение уникального психического выбора продолжать жить после по-настоящему травматической потери матери. Клинический материал, представленный в этой главе, касается молодой женщины, чья мать умерла, когда ей было семь лет. Для нее «материнское отсутствие» — не только метафора или описание психоэмоционального отдаления. Хотя между реальной потерей матери и ее психоэмоциональным отсутствием есть различия, есть также значимые последствия, которые их объединяют. При обсуждении этого клинического случая я хотела бы сделать акцент на особом защитном психическом «выборе», выборе иллюзорной жизни, в которой субъект и его объект (любви) продолжают «жить вместе», потому что для этих людей «реальная» (неиллюзорная) жизнь означает оставление объекта любви. Создавая «иллюзорную» жизнь эти люди отрицают не только потерю объекта, но свое чувство вины за то, что они живы.

Пятая и шестая главы касаются отношений между «психикой» и «соматикой» и соматизации как еще одного результата переживания отношений между ребенком и матерью.

В пятой главе — «Психосоматические симптомы как физические сны: выражение эмоционального опыта через тело» — я предложу мою трактовку психосоматических симптомов как феномена переживания, функционирующего как «физический сон», через

размышления о том, как некоторые пациенты могут использовать симптомы для проведения бессознательной психологической работы. При помощи аналитика пациент может запустить заново прерванный «физический» сон и/или (пере)оформить его как «сон, который не сон» (Ogden, 2004a, 2004b). Психосоматический симптом понимается как средство, при помощи которого психика пациента переводит и трансформирует «физическое» в «психическое» и наоборот.

Шестая глава, «Когда поражает голод: рассказ Кафки «Голодарь» в свете теории Винникотта о психосоматике», — психоаналитическое прочтение рассказа Кафки «Голодарь». Пищевые расстройства, в особенности анорексия, часто связаны с сексуальной травмой, но я беру несколько иное направление — переживание пациентом отсутствия достаточно хорошей матери, в которой он или она нуждались. Грубо говоря, я полагаю, что отсутствие матери — одно из самых главных переживаний, лежащих в основе различных травм, включая сексуальные травмы. Кроме того, эта глава посвящена не специфической травме, но травме отсутствия того важнейшего взгляда, в котором нуждается каждый из нас. Именно мать первой смотрит на нас, но человеку нужно, чтобы на него смотрели в течение всей жизни, и эта потребность является в самом разном обличии — порой даже в маскарадном костюме. «Голодарь» Кафки, как мне кажется, не только замечательный, но еще и очень сложный рассказ, привлекающий внимание к экологической системе, в которой мы живем — от интрапсихической к интерперсональной, от наиболее интимных отношений между человеком и его телом к социальным конструктам, которые разыгрываются публикой, приветствующей Голодаря с его голодовками. «Голодарь» анализируется и обсуждается в свете теории Винникотта, с точки зрения психики и соматики и способности человека устанавливать свое «истинное Я».

Седьмая глава — «Какое отношение вера и доверие имеют к психоанализу?» — возвращается к «началу» в попытке переосмыслить роль «веры» и «доверия» в психоаналитическом процессе и отношениях. В мире, разрываемом на части религиозными война-

ми, где многие люди потеряли веру в то, что смогут хорошо жить, по моему ощущению, очень важно переосмыслить две концепции — «веры» и «доверия». Споры о том, какую роль вера должна (или не должна) играть в психоанализе, начались с Фрейда с его стремлением упрочить роль психоанализа как науки. Данная глава предлагает другой взгляд на веру как врожденную потенциальность в отличие от «доверия», которое воспринимается как связанное с объектом и основанное на опыте. Я не представляю себе ни одной аналитической встречи, в которой бы «вера» ни играла важную роль.

Глава 1

«СВОЯ СОБСТВЕННАЯ МАТЬ» Аналитический взгляд на объектные отношения у взрослых пациентов, воспитывавшихся в кибуцах¹

Введение

Есть знаменитое высказывание Винникотта (Winnicott 1960): «Такой сущности, как младенец, нет». Он имеет в виду, что матери и дети должны восприниматься как одна единица, особенно в начале жизни, потому что дети не могут процветать без матерей. Я думаю о высказывании Винникотта как о первой половине парадокса. Вторая его половина: всякий может заметить, что мать и ребенок — отдельные сущности. Без второй половины парадокса мать и ребенок будут чем-то единым и никакого развития не будет (Ogden, 1994, p. 4). Винникотт разрабатывал тезис об исключительной важности материнской заботы для ребенка во многих работах. Один из самых главных вкладов Винникотта в традиционный психоанализ (Winnicott 1963a) — акцент, сделанный на «внешнем факторе», то есть на роли реальной внешней среды (матери), чья обязанность — активно приспосабливаться к нуждам ребенка (1963, p. 340). Этот «внешний фактор» настолько важен для благополучия ребенка, что раннее травматическое разделение может привести к физическим болезням. Более того, это сознание полной зависимости и уязвимости ребенка может переживаться

¹ Этот текст был опубликован в Contemporary Psychoanalysis (2018), 54(3), 431-464.

им как настолько опасное и потенциально разрушительное, что он может почувствовать потребность в том, чтобы защититься, чувствуя (бессознательно) «желание смерти», которое может служить потребности младенца чувствовать, что он не теряет контроля.

Хотя Винникотт колеблется между понятиями «мать» (1958 [1965, р. 37]) и «материнская забота» (1965, pp. 9, 34), скорее всего он указывает на то, что эти понятия — не одно и то же (1958 [1965, р. 34]) с точки зрения значения для психического здоровья ребенка. В своей работе «Теория отношений между родителем и ребенком» Винникотт ясно пишет:

Психическое здоровье индивида, рассматриваемое как свобода от психоза или от склонности к психозу (шизофрения), закладывается этой самой материнской заботой, на которую, когда все идет хорошо, едва обращают внимание и которая является продолжением психологического обеспечения, характеризующего пренатальное состояние. (1960, р. 49, курсив мой)

Это представляется важным признанием и указанием на различие между «материнской заботой» и заботой, исходящей от «материнской фигуры»; ссылка на пренатальное состояние безошибочно указывает на то значение и особенность, которую Винникотт приписывает биологической матери. Ссылка на биологический характер материнской заботы действительно вызывает вопросы, но если принять во внимание теорию Винникотта о психо-семе (1949/1975), мы должны быть готовы изучить факт того, что соматика биологической матери действительно оказывает важное влияние на развитие психики ребенка.

Опираясь на идеи Винникотта (Winnicott 1949/1975) и Биона (Bion 1962a), я утверждаю, что взаимодействие между «психикой» и «соматикой» — не только интрапсихическое (то есть в психике и соматике ребенка), но и интерпсихическое (например, между психикой ребенка и соматикой матери). Каким бы важным и увлекательным ни было это направление исследований, я сосредоточусь далее на долгосрочных эффектах, наблюдаемых у тех взрослых,

которые в детстве не имели «своей собственной матери», не затрагивая вопроса о сравнении биологического и небιологического материнства².

Винникотт (Winnicott 1963 b) предлагает объяснение нежеланию «традиционного» психоанализа изучать фактор среды и писать о нем, но утверждает, что к тому времени психоанализ уже достаточно утвердился, чтобы «позволить себе изучить внешние факторы, как хорошие, так и плохие» (р. 340). Этот вопрос о мере «реальности» (или точности) восприятия младенцем окружающей среды фигурирует в ранней работе Винникотта (1960). В ней он рассматривает вопрос о сходствах и различиях между ранним детством пациента или пациентки и их опытом в анализе. Он подчеркивает:

Парадокс в том, что то, что есть в окружении младенца хорошего и плохого, это на самом деле не проекция, но несмотря на это, для того, чтобы развитие индивидуального младенца было здоровым, необходимо, чтобы ему это казалось проекцией. (р. 567).

Здесь Винникотт затрагивает еще один вопрос, имеющий отношение к моему тезису о том, что мать младенца важна, подчеркивая, что эта мать, дающая ему необходимую заботу, — не просто проективная «выдумка» самого ребенка. Это также можно интерпретировать в том смысле, что Винникотт утверждает, что мать ребенка отличается от других материнских фигур. Тем не менее это не значит, что другие лица, осуществляющие уход, не должны поддерживать родителей, это означает только то, что есть вещи, которые ребенку может дать только биологическая мать и никто

² Я с большой осторожностью подхожу к использованию этой части теории Винникотта, равно как и к тем аспектам моего тезиса, которые касаются значения «биологической матери», когда рассматриваю отношения матери и младенца, выходящие за рамки темы данной статьи, например, в случаях усыновления или удочерения. Важно подчеркнуть, что данная статья направлена на рассмотрение уникальных условий воспитания в кибуце. Приемные матери, хотя и не являясь матерями биологическими, конечно же, в силу «первичного материнского беспокойства» (Winnicott, 1958), в состоянии быть достаточно хорошими матерями.

другой. Тот факт, что мать физически вынашивала ребенка на протяжении сорока недель беременности, не может не иметь смысла, психического и физического, и для матери, и для ребенка. Утверждая, что «мать» — не просто проекция ребенка, которая может быть направлена и контейнирована в «любой фигуре», я толкую Винникотта в том смысле, что у каждой матери собственная уникальная манера заботиться о своем ребенке и что эта уникальность имеет значение для его эмоционального и психического здоровья. Говоря о подготовке матери к тому, чтобы психически «держат» своего ребенка на последних стадиях беременности, Винникотт (Winnicott 1963b, p. 340) делает тонкую, но важную отсылку к тому, что биологическое материнство играет первостепенную роль в отношениях матери и ребенка.

Я собираюсь обратиться к некоторым из возможных последствий уникальной системы воспитания детей, которая некогда была нормой в израильских киббуцах. Я предполагаю, что младенцам и детям в киббуцах не хватало прежде всего «своей собственной матери». Этими детьми занимались самые разные воспитатели, тогда как их матери (и отцы) оказывали очень мало влияния на их повседневную жизнь и никакой «активной адаптации» с их стороны не допускалось. С учетом сказанного и в соответствии с нашим психоаналитическим взглядом на сложное взаимодействие природы и воспитания, влияние любого конкретного воспитания не одинаково, как это хорошо сформулировал Винникотт:

Дети рождаются разными, в зависимости от того, благоприятными или неблагоприятными были условия. В то же самое время условия не детерминируют потенциал ребенка. Он наследуется, и следует изучать унаследованный потенциал индивида как отдельный вопрос при условии принятия того, что *унаследованный потенциал младенца не может воплотиться в младенце без материнской заботы.* (Winnicott, 1960, p. 589, курсив в оригинале)

Этот тезис представляется мне ключевым в теории материнской заботы и развития здорового ребенка у Винникотта, а также он

является ключевым для предлагаемого мною тезиса о возможном эффекте воспитания в кибуце. Дети, которых растят их собственные матери, испытывают целый ряд трудностей с интеграцией своих фантазий (внутренней реальности) во внешнюю реальность их матерей. Мать и ребенок как отдельная единица естественным образом сталкиваются с различными внутренними и внешними эффектами, влияющими и испытывающими влияние и ребенка, и матери. Опираясь на концепцию Фейрберна (Fairbairn's 1944, p. 110) о значении неизбежного травматического опыта ребенка, сталкивающегося с пределами способности его матери любить его и принимать его любовь, Огден (Ogden 2010) занимался дальнейшей разработкой этого вопроса, как явствует из данного понятия. Он цитирует Фейрберна (1940/1952, p. 13):

Отражает ли неспособность матери убедить ребенка, что она действительно любит его как личность, ее неспособность быть убедительной, или же она отражает неспособность ребенка быть убежденным, то есть неспособность ребенка любить?

Огден (Ogden 2010) говорит о том, что он «склоняется к первой интерпретации, но никоим образом не исключает и вторую» (p. 103). Развивая эту идею, Огден утверждает, что любой младенец или ребенок правильно воспринимает пределы материнской способности его любить и в то же время превратно истолковывает неизбежные лишения как недостаток любви матери к нему. С этой точки зрения:

Концепция раннего психического развития у Фейрберна должна рассматриваться как теория травмы. В некоторой степени каждый ребенок травмирован своим реалистическим восприятием того, что он целиком и полностью зависит от матери, чья способность любить его миновала некоторую точку разрыва. (p. 103)

Опираясь на концепцию Фейрберна о пределах материнской любви и ее развитие Огденом, я бы сказала, что то, что верно для

детей, которых растят «их собственные матери», тем более верно для детей из кибуца, лишенных возможности иметь «свою собственную мать». В данном случае я имею в виду уникальную систему воспитания детей в кибуцах, которую я буду описывать далее.

Я пришла к пониманию, что, хотя у всех детей в системе кибуца были разные матери, жизни этих людей — по достижении совершеннолетия — демонстрировали схожие патологии в способности устанавливать объектные отношения. Думаю, что все аналитики согласятся с тем, что опыт младенчества и раннего детства влияет на последующую жизнь самым фундаментальным и долгосрочным образом. Однако ведутся споры о степени влияния матери с точки зрения качества и количества времени, которое она уделяет младенцу/ребенку. Я предполагаю, что эти споры носят не только психологический, но и политический характер.

Позиционирование матери ребенка как фигуры, которая за ним ухаживает (для которой нет иной эквивалентной замены для ребенка), может усложнить выбор между материнством и карьерой, который приходится делать многим женщинам. Идея о том, что может не быть настоящей, достаточно хорошей замены для матери, и есть то, что, как мне (как матери и как женщине, очень высоко ценящей карьеру) кажется, остро нуждается в переоценке. Насколько важна забота матери, в частности на ранних этапах жизни ребенка? Я решила заново рассмотреть этот непростой вопрос, изучив взрослых пациентов, выросших в израильских кибуцах с уникальной системой воспитания детей. Хотя, по-видимому, они представляют крайний случай, я полагаю, что глубокое изучение их воспитания и возможных его последствий может принести нам пользу. Я ни в коем случае не собираюсь обвинять матерей или осуждать тех из них, кто занимается карьерой. Точно так же я отнюдь не утверждаю, что матери (и вообще родители) не должны пользоваться услугами нянь, детских садов или любых других детских учреждений. Я хочу лучше понять, как психоанализ может помочь родителям с такого рода опытом детства в кибuce: отсутствие непрерывности в материнской заботе, общение со множе-

ством разных воспитателей в дневное время и их полное отсутствие в ночное имели свои негативные последствия.

Я бы хотела рассмотреть концепцию «дразнящего объекта» у Фейрберна (Fairbairn, 1944, p. 112) применительно к матерям из кибуца, основываясь на том, каким уникальным образом они присутствуют в жизни своих детей: среднестатистическая мать не отсутствовала в жизни своего ребенка и при этом не могла активно адаптироваться к его потребностям. Дети в кибуце не были «заброшенными» в том смысле, в котором мы стали понимать «заброшенность». Можно сказать, что им обеспечивался щедрый уход, отвечавший всем их базовым нуждам. И при этом учитывая уникальные обстоятельства их воспитания — главным образом тот факт, что они 21 час в день проводили без родителей — они с большой долей вероятности были лишены того, что Винникотт (Winnicott 1949/1975) считал ключевым моментом — активной адаптации со стороны матери ребенка. Термин Фейрберна (1944, p. 112) «дразнящий объект» относится к расщеплению у младенца «неудовлетворительного» (внутреннего) объекта-матери. Младенец интернализирует неудовлетворительную мать (бессознательно идентифицируется с ней), а затем расщепляет этот объект на (1) дразнящий (внутренний) объект и (2) отвергающий (внутренний) объект. Винникотт (1974) ссылается на то, что он называет «дразнящей матерью» в своей работе «Страх срыва»:

Неверно думать о психотической болезни как о срыве. Это защитная организация, относящаяся к первичной агонии. Обычно она успешна (за исключением случаев, когда поддерживающая среда была не недостаточной, а дразнящей, что само по себе, возможно, худшее, что может случиться с ребенком). (p. 104)

Поскольку родители в кибуце не имели «слова» в воспитании своих детей и были физически от них отделены, они оказывались в крайне неблагоприятном положении в том, что касается способности «держат» или «контейнировать» эмоциональные беды своих детей (Ogden, 2004). В отсутствие последовательного «дер-

жания» — «контейнирования» — «мечтаний» ребенка, разумно предположить, что этот вакуум будет заполнен интернализацией «плохих объектов» в целях компенсации и успокоения (Fairbairn, 1944). Младенец/ребенок может очень сильно полагаться на свои внутренние объектные отношения с интернализациями этих плохих-соблазнительных (то есть соблазняющих-отвергающих) внутренних объектов. Среди расщеплений, которые переживает ребенок из кибуца, было расщепление на любящий объект и «авторитетный» объект. Родители в кибуце не имели влияния на воспитание своих детей (последнее слова во всем оставалось за руководством кибуца). Поскольку реальное физическое участие в жизни их детей было минимальным (до трех часов совместного пребывания в день), воспитатель, который должен был «обращаться» и «держат» младенца и ребенка, не был родителем, который его любил. Это расщепление часто проявляется в аналитическом опыте (перенос и контрперенос) с пациентами, выросшими в кибуце, как я покажу на примерах, и, по моим предположениям, имеет прямое отношение к нехватке «единства» между детьми и их матерями. Винникот так писал о единстве матери и ребенка (Winnicott 1960, р. 587): «Ребенок и материнская забота вместе образуют единицу», которая, с его точки зрения, является ключевым компонентом здорового развития ребенка.

Развитие детей с точки зрения «единства» и «инаковости»

Развитие требует не только переживания «единства», но и опыта «инаковости» (Ogden, 1985). Как аналитики, мы часто держим в голове матерей наших пациентов. Я хочу сказать, что мы выстраиваем образ матери, «грезим» о ней и в каком-то смысле «несем» ее, пока пациент не сможет нести (держат) ее сам, внутренне, таким образом, который его формирует, не подавляя при этом. Отношения пациента с бессознательным внутренним объектом матери играет важную роль в качестве внутренних и внешних объектных отношений, включая переносы в аналитических отношениях.

Винникотт представляется аналитиком, внесшим самый большой вклад в понимание уникальных отношений между ребенком и матерью (Winnicott, 1945, 1960, 1963a, 1963b) и их проявления в аналитических отношениях. Огден (Ogden 1985), обсуждая различные аспекты творчества Винникотта, пишет:

Когда младенец находится в утробе матери, ее роль состоит в том, чтобы обеспечить ему среду, которая выиграет время, необходимое ему для созревания, прежде чем ему придется столкнуться с неизбежной задачей физического отделения при рождении. Точно так же роль матери в первые месяцы жизни, прежде чем ребенок вступит в период переходных феноменов, — обеспечивать ему среду, в которой могут произойти феномены психологического отделения, пока ребенок развивается в результате взаимодействия биологического созревания и опыта. (Ogden, 1985, p. 348)

Винникотт действительно призывал нас учитывать тех пациентов, которые пришли к нам, не зная о том, для чего нужны мы или терапия (1969). Однако можно подумать, что даже он не мог себе представить ребенка без матери, ребенка, для которого нельзя держать в голове мать. Идея ребенка, полностью лишённого матери, шокирует. Большинство аналитиков инстинктивно ответят, что «если внутри ребенка нет матери, он умрет или заболеет тяжелой психической и/или физической болезнью». Среди аналитиков бытует предубеждение, что в психосоматике индивидов всегда есть осколки опыта, пережитого с хорошей материнской фигурой. Кроме того, принято считать, что для того, чтобы ребенок вырос в жизнеспособного взрослого человека, необходимы питающие отношения с матерью или замещающей ее материнской фигурой. Считается, что даже в менее удачных случаях могут присутствовать обрывки или фрагменты опыта жизни с матерью, будь то короткий опыт с самой матерью или с другой «материнской фигурой». Моя работа заставила меня усомниться в правильности этих двух допущений — что у любого ребенка есть некоторый опыт хорошей

матери и что «материнская фигура» может заменить ребенку «его собственную мать». Думаю, что мы неправильно понимаем Винникотта, если выносим из чтения его работ мысль о том, понятие «достаточно хорошей» матери отсылает к «достаточно хорошим» отношениям с любым лицом, которое ухаживает за ребенком или воспитывает его, не обязательно с его собственной матерью, и я понимаю, что это утверждение может считаться радикальным отступлением от принятого аналитического мышления.

Боулби (Bowlby 1940) изучал сотни младенцев и детей в попытке понять, какие факторы влияют на их благополучие на протяжении жизни, в особенности на способность устанавливать здоровые и удовлетворительные близкие отношения. Боулби сосредоточил свое «внимание на эмоциональной атмосфере дома и личном окружении ребенка» (Р. 156). Как правило в его фокусе были два аспекта раннего окружения ребенка:

1. Специфические события, такие как смерть матери и длительная разлука ребенка с матерью
2. Общая эмоциональная окраска отношения матери к ребенку. В эту рубрику попадало в том числе то, как она подходила к кормлению.

Из крайних случаев, которые Боулби представляет в этой работе, почти все связаны с продолжительными перерывами: «серьезные перерывы в отношениях матери и ребенка произошли во время трех первых лет жизни» (pp. 160-161). Но Боулби также утверждает, что «более короткие перерывы также вполне способны оказывать пагубное воздействие на развитие ребенка» (р. 162). Боулби (Bowlby 1953) убежден, что необходимо «признать первые объектные отношения ребенка краеугольным камнем его личности», и добавляет, что «мы все согласны с тем эмпирическим фактом, что в течение 12 месяцев у младенца развиваются интенсивные либидинальные отношения с материнской фигурой»³ (р.

³ Боулби добавляет следующее примечание: «Хотя в данной работе я говорю в основном о матерях, а не о материнских фигурах, нужно понимать, что в каждом случае меня интересует лицо, которое осуществляет материнскую заботу о ребенке, к которому он привязывается, а не о родной матери» (р. 350)

350). В этой работе он цитирует вывод, сделанный Алисой Балинт (Balint 1949, p. 253) о том, что «ближе всего мы подходим к этому, используя понятие эгоизма. Это архаический, эгоистический способ любви, который изначально был направлен исключительно на мать» (цит. по Bowlby, 1958, p. 355). Многие из выводов Боулби о горе и тревожных реакциях младенцев и маленьких детей на разлуку с матерью (1960a, 1960b) хорошо известны.

Бион (Bion 1962a) также обсуждает ключевую роль матери в психическом здоровье ребенка и взаимозависимость матери и ребенка в своей концептуализации контейнера и контейнируемого. В «Элементах психоанализа» (1962a) Бион, в частности, ссылается на проекции страха смерти у младенца, которые он делает на мать (p. 27). Этот страх должен быть «обезоружен» матерью, то есть модифицирован таким образом, «чтобы ребенок мог принять его обратно в собственную личность в терпимой форме» (p.27).

Все эти авторы, которых я обсуждала, согласны с тем, что мать или материнская фигура играют крайне важную роль в поддержании психического и эмоционального здоровья их детей. В отсутствии материнской заботы ребенка может поразить горе, тревога, парализующий страх, у него могут появиться психо-соматические симптомы или же он может заболеть разными другими болезнями. Наоборот, если внимательно читать Винникота, то выяснится, что когда он пишет о здоровом опыте раннего детства, он не ссылается на достаточно хорошую заботу со стороны какой угодно материнской фигуры; он полагает, что материнская забота, оказываемая родной матерью ребенка, важна для его здорового психологического развития, отмечая, что «первичная материнская забота» начинается уже в последний триместр беременности, развиваясь в первые недели после рождения. Это, как он считает, необходимо для того, чтобы мать могла «поставить себя на место ребенка» недифференцированным образом (1965).

Один из моих тезисов здесь состоит в том, что для Винникота в этих примерах «мать» означает собственную мать ребенка. Я утверждаю, что мы обращаем недостаточно внимания на потребность в уходе, исходящем от «собственной матери», уходе, который

может отличаться от того, что ребенок может получить от других лиц, которые за ним ухаживают⁴. Главное лицо, осуществляющее уход за ребенком, имеет значение в контексте сегодняшних культурных норм западных обществ, поскольку многие женщины берут на себя активную роль в финансовом обеспечении семьи или в построении профессиональной карьеры. В связи с этим многим молодым родителям приходится нанимать посторонних людей, чтобы они ухаживали за их маленькими детьми, или помещать их в ясли всего через несколько недель после рождения. Однако между этими практиками и тем, как дети растут в кибуцах в Израиле, есть существенная разница.

Тем не менее внешнее сходство между двумя моделями ухода за ребенком (воспитание детей в кибуце и замещающие материнские фигуры в современной западной культуре) вызывает необходимость изучения различий в эмоциональном развитии детей, воспитывавшихся в этих двух разных ситуациях. Возможно, есть внутренний конфликт между потребностью женщины реализовывать собственные амбиции и ее потребностью/желанием удовлетворять потребность ребенка в матери. Я не утверждаю, что женщина должна отставить в сторону другие свои потребности и амбиции. Скорее я ссылаюсь на тот факт, что для многих женщин поиски баланса между заботой о собственном ребенке и карьерой приводят к трудной и вызывающей чувство вины борьбе. Вина матери — вопрос, который в этой главе (или книге) не может быть рассмотрен адекватным образом, потому что это сложное психологическое состояние, укорененное не только в психике матери, но и в социальных представлениях о материнстве (Chodorow, 2000).

⁴ Эта неспособность отличить биологическую мать от других форм материнской заботы также может быть связана с социально-политическими изменениями, которые привели к тому, что эгалитарные отношения стали более популярными. Хотя можно было подумать, что эти эгалитарные установки отразятся на реальном распределении задач в частной сфере в целом и в воспитании детей в частности, но это не так. Почти во всех исследованиях материнского ухода главными лицами, занимающимися младенцами и детьми, оказываются биологические матери (в сравнении с отцами) (Baxter, 2002; Bianchi, 2000; Craig, 2006; Rabin & Shapira-Berman, 1997; и многие другие).

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru